

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

(с 4 таблицами и 5 рисунками в тексте)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

К переводу „Беседы разочарованного с своим духом“.

Текст Берлинского папируса 3024, заключающий в себе так называемую беседу разочарованного со своим духом,¹ несмотря на труды Ерман'а² содержит в себе еще много неясных мест. К числу наиболее непонятных следует отнести отрывок от 68 по 92 строки — конец второй речи духа. Дух приглашает человека справлять веселый день и забыть скорбь. После этих слов следует наш отрывок, повидимому, как пояснение и наглядный пример высказанной мысли. Отрывок состоит из двух частей: первая, строки 68—86, повествует, сколько можно понять, о бедняке, у которого жена и дети унесены волнами и съедены крокодилами; вторая, строки 86—92, — о бедняке, выпрашивающем себе ужин, и о его жене. Обе части являются мало понятными, не столько из-за незнакомых слов, сколько из-за туманности изложения.³

Можно с вероятностью предположить, что мы имеем дело с ходячим народным рассказом, который и приводится автором по ассоциации с его мыслью, как всем известный пример, и дается поэтому только намеками. Пример подобного рассказа «кстати» мы имеем в сказке «О потерпевшем кораблекрушение» в рассказе змея: о змеях, живших на острове, девушке и звезде, упавшей с неба.⁴ Было бы тщетным пытаться найти более точный смысл нашего отрывка, если бы в египетской литературе не нашлось текста, который невольно напрашивается на сопоставление

¹ Издано А. Ерман'ом, *Das Gespräch eines Lebensmüden mit seiner Seele*. в *Abhandl. d. Berl. Akademie, Phil. Hist. Klasse* 1896 г., см. об этом также Б. Тураев, *История Египетской Литературы*, т. I, Москва. 1920, стр. 68—70.

² Ерман о. с. *Издание перевод и комментарий*. Новый перевод у Ерман'а, *Die Litteratur der Ägypter*. Berlin. 1923.

³ См. Тураев, *Ист. Ег. Лит.* I 68.

⁴ См. Golénischeff, *Conte de naufragé* в *Bibl. d'études II, Le Caire, 1912*, русский перевод Голенищева в *Вестнике Европы* 1883 г. (февраль) и у Тураева, *История Древнего Востока*, I, 257—259.

с нашими рассказами. Я говорю о недавно изданном папирусе Британского музея 10743, содержащем поучение одного из видных вельмож конца нового царства — Аменемопе.¹ Именно в главе второй этого текста мы встречаем также, повидимому, рассказ «кстати», с первого взгляда мало-понятный. Я позволю себе привести сейчас перевод этой главы, в общем следуя переводу Lange² за исключением одного места, о котором буду говорить ниже.

Глава вторая. «Остерегайся обездоливать страждущего и причинять насилие слабому, не подымай руки при приближении старца и не подымай слова (?) к великому.

Когда ты послан с неприятным посольством, и ты любишь (?) того, кто это сделал (тебя послал), то не кричи на того, кто тебя обижает и не возражай ему из-за самого себя (сам?).

Кто творит зло, того выбрасывает береговая полоса, и ил ее (Lange — его) тянет его (Lange — назад). Северный ветер спускается, чтобы положить конец его часу, он соединяется с водоворотом (?).³ Буря сильна. Крокодилы свирепы. Горячий — что же ты тогда?

Он кричит, и его голос (достигает) к небу. «О месяц, который установил его преступление, гребки, чтобы злой переправился к нам, которые не сотворили, как он!»

Восставь его. Протяни ему руку свою. Вложи его в руку божию. Наполни чрево его хлебом твоим, чтобы он насытился и пришел в сознание».⁴

Есть затруднение при переводе строк 12—16. Неясно, кто подразумевается под творящим зло. Lange предлагает это отнести к самому посланцу и толкует текст таким образом: если он будет сердиться, то гавань, — место, куда он послан, — не примет его, и ил его (его дурная речь) унесет его назад.⁵

Мне думается, что толкование это немного натянуто, и легче было бы предположить, что эти слова относятся к обидчику посла. Тогда мы имели бы такой смысл: не мсти сам обидчику: береговая полоса выбрасывает его, и ил ее (понимая буквально) уносит его (затягивает).⁶

¹ Издание: Lange, Das Weisheitsbuch des Amenemope. Köbenhavn. 1925.

² Lange, о. с. 32—37.

³ Слово: $\rho\dot{h}\dot{r}\dot{m}w$ — буквально: бушевание воды — можно так перевести. Lange, о. с. 36.

⁴ Понимание близкое к моему дает H. G r a r o w, Die bildlichen Ausdrücke des Ägyptischen. Berlin, 1924, стр. 152.

⁵ Lange, о. с. 37—38.

⁶ Jnj — нести, уносить, приносить, Lange, о. с. 37.

Не мсти сам: обидчик будет наказан, бог отмстит за тебя. Эта мысль не чужда Египту, как древнему,¹ так и позднему и, в частности, самому Аменемопе.²

В главе 3-ей, 21, 22, можно найти то же самое: «Если тебя обижают — смолчи: бог найдет способ отомстить за тебя».³

Для пояснения этой главной мысли, повидимому, и приведен весь рассказ, намеченный тоже только в общих чертах. Конец содержит молитвенное восклицание к богу Луны о спасении погибающего. Эта молитва и следующее за нею обращение к послу намекают также очевидно на известное событие приведенного рассказа. Попробуем сопоставить наш рассказ с рассказом Аменемопе.

1. В нашем рассказе принимают какое то участие Wptjw — посланники. Согласно поучению Dwꜳw, посланничество являлось привилегией знати.⁴ В нашем рассказе он еще, кроме того, стоит в противоположности к бедному неджесу, т. е. является знатным.

У Аменемопе говорится о посольстве, но речь обращена к участнику — посланнику. Аменемопе и его сын, к которому обращено поучение, принадлежат к высшей знати.⁵

2. В нашем рассказе угрожает гибель на воде в бурю неджесу, но сам он остается жив, гибнут только жена и дети. У Аменемопе гибель угрожает обидчику, но он также остается невредим.

3. В нашем рассказе играет важную роль слово mhjt, которое Егман⁶ переводит «наводнение», но вероятнее перевести, как «северный ветер». У Аменемопе тоже mhj — «северный ветер». Следует отметить, что оба раза северный ветер является неблагоприятным, что редко встречается в египетской литературе.⁷ Это обстоятельство роднит оба текста.

4. Опасным местом на реке в нашем рассказе является šꜳn hr mrjꜳt,⁸ опасная заводь с прибрежными (?) (крокодилами), повидимому береговая полоса Нила с наносным илом, опасными водоворотами и кишачицами в ней

¹ См. Поучение гераклеопольского царя, Golénischeff. Les papyrus hiératiques de L'Hermitage. 9—14.

² Аменемопе главы 3, 7, 22, 23, см. Lange о. с. 40, 56, 110, 112 и мног. друг.

³ Lange о. с. 40.

⁴ Б. Тураев, Ист. др. востока, I, 231.

⁵ Lange, о. с. 26, 27.

⁶ Егман, о. с., стр. 72, Новый персвод в Lit. der Ägypter тоже самое, но под вопросом.

⁷ Н. Гарош, о. с., стр. 41—42. Северный ветер только приятен.

⁸ mrjꜳt — букв. «береговые» — по детерминативу судя, одно из названий крокодила.

крокодилами. У Аменемопе тоже *mrjĵ* — «берег»¹ — упоминаются также водоворот и крокодилы.

5. В нашем рассказе «крокодилы» — *mrjĵt* и *hntjĵ*. У Аменемопе *msh* тоже «крокодил»; повидимому, эти слова — синонимы.

6. В нашем рассказе пострадавший кричит (своим голосом — *hgw*). У Аменемопе он тоже кричит, и голос (*hwr*) его доходит до неба.

7. В нашем рассказе голодный неджес выпрашивает себе ужин. У Аменемопе говорится о пострадавшем: «наполни чрево его хлебом, чтобы он насытился».

8. В нашем рассказе, вероятно, из слов *jw-f mj kjj* — «он подобен другому», «он не отвечает на вопросы жены», можно понять, что мы имеем дело с каким то повреждением сознания бедного неджеса. У Аменемопе: нужно наполнить чрево несчастного хлебом, чтобы он насытился и пришел в сознание (*tm*).²

После приведенных сопоставлений можно с вероятностью утверждать, что существует какая-то связь между рассказом второй главы Аменемопе и нашим отрывком, притом, как показывает сопоставление, с обоими частями его; эта связь может оказаться более тесной, если предположить, что обе части нашего отрывка — один и тот же рассказ. Это не так невероятно, ибо действующие лица — неджес и его жена — одни и те же. Тогда придется предположить, что автор, рассказав о гибели жены, возвращается назад и говорит о ней, как о живой, во второй части нашего отрывка.

Заманчиво объяснить эту связь таким образом.

В обоих рассказах мы имеем намеки на один и тот же, или на два очень близких народных рассказа, либо на два разных варианта. Этот рассказ можно было бы озаглавить: «Притча или басня о посланце и бедняке». На основании намеков, данных в обоих рассказах, можно было бы так представить себе ее.

Голодный бедняк — неджес, по просьбе и наущению жены совершает преступление: наносит обиду посланнику. В наказание за это он подвергается опасности погибнуть на воде в бурю, но сам остается жив, гибнут лишь жена и дети, и он в отчаянии произносит ту жалобу, о которой мы будем говорить ниже.

Против такого предположения есть несколько очень важных возражений.

¹ *mrj* — обычное слово для берега, побережья, гавани и. т. д.

² Возможно еще одно сопоставление: в нашем рассказе дело происходит ночью. Нельзя ли и у Аменемопе в обращении к Луне, которая установила преступление злодея, видеть указание на то же самое?

Первое: в нашем рассказе часто упоминаются жена и дети неджеса. У Аменемопе об них нет никакого упоминания. Зато у Аменемопе описана обида посланника, на которую в нашем рассказе лишь намекается; но рассказы передаются неполно, берется в обоих случаях только то, что может прямо пояснить мысль, выражаемую автором. Так Аменемопе, поясняя, что не надо мстить, в ярких чертах рисует бурю и опасность гибели в воде. Автор нашего папируса, для пояснения своей мысли какой — увидим ниже, приводит жену и детей и обращает на них главное внимание. Кроме того, конечно, всегда можно предположить, что имелось два варианта притчи.

Второе: в нашем рассказе — бедный, забытый нищий неджес, зарабатывающий упорным трудом себе хлеб насущный.

У Аменемопе обидчик горячий *šm*, страстный человек; ничего не говорится ни о его труде, ни о нищенстве; но у Аменемопе слово *šm* означает человека горячего, страстного, грешника в противоположность *gṯw* — молчаливому, кроткому праведнику.¹

Возможно, что в нашем рассказе неджес не является также безгрешным. Он работает в праздник; свою жену он ругает очень неслестными словами,² которые вероятно должны намекать на какое-то преступление жены.³ Вспомним, наконец, что эпоха среднего царства, когда написан наш текст, была временем горячей борьбы между знатью и средним классом — неджесами,⁴ отразившейся и в литературе.⁵ Для знатного этой эпохи всякий неджес должен был казаться по меньшей мере подозрительным, и нравственная репутация неджесов для знатных, а таковым является, по всей вероятности, составитель нашего рассказа, являлась не весьма высокой, вспомним хотя бы первую сказку Папируса Весткар.⁶

Это же обстоятельство может объяснить и то, почему у Аменемопе обидчик не назван неджесом. Это слово, модное для среднего царства, было окончательно забыто в своем социальном значении. Ожидать от

¹ Lange, о. с., 21.

² Tf!; презрительное указательное местоимение *mš-t* — очень грубое и неприличное наименование женщины. Egman, о. с.

³ Интересно обратить внимание на 7 главу поучения Аменемопе. Там, между прочим, говорится: «корабль жадного застрял в иле, а ладья кроткого движется попутным ветром». Lange, о. с. 56.

⁴ См. об этом В. В. Струве, Эрмитажный папирус 1116 В и пророческая литература Египта, ЗКВ, т. I, 1925 г.

⁵ Например в сказках папируса Весткар: Gressman, *Altorient. Texte*, 117—121.

⁶ *Ibidem*.

поучения Аменемпе упоминания неджеса — то же, что искать в современных официальных бумагах наименование крестьянина — смердом.

Третье затруднение в том, что приходится допустить в нашем рассказе сначала развязку, в первой части, а потом уже, во второй части, начало предполагаемой нами притчи; но, признав обе части за один рассказ, мы можем предположить, что вторая часть, трудно объяснимая сама по себе, является пояснением первой, главной — именно, пояснением отрицательного отношения неджеса к жене. Примем во внимание, что все время говорится только намеками. Итак существует возможность за двумя этими рассказами усматривать канву одного общего. Какой же смысл тогда получают оба рассказа?

Аменемпе иллюстрирует намеками на эту притчу свою мысль, что не надо отрицать.

Какой же вывод можно сделать относительно нашего отрывка?

Во-первых, для перевода: 1) обе части отрывка нужно признать одним и тем же рассказом; 2) слово *mḥjt* — надо переводить как «северный ветер»; 3) загадочные слова *śś (?)*¹ и *śś! (?)* и *wšjb* приходится понимать, как какое-то *th!* — оскорбление, преступление по отношению к посланникам. Я рискую переводить наш отрывок так:

«Послушайся меня: слушаться хорошо человеку. Следуй веселому дню, оставь скорбь! . . . Бедняк пашет свое поле, он погружает жатву внутрь лады, он тащит барку, хотя праздник его приходит. Он увидел выходение северного ветра, он просыпается в ладье в сумерки, выходит с женою своею и детьми, чтобы погибнуть в опасной заводи ночью среди береговых крокодилов. Когда он может (?) сидеть, он разделяет (?) голосом, говоря: «Я не плачу о той женщине (выражение *mst* очень грубо), которая (все равно) не будет иметь выходения с запада к другой на земле... Я скорблю о ее детях, разбитых еще в яйце, они видят лице крокодила, они не будут жить».

Бедняк выпрашивает себе ужин. Его жена говорит ему: «уже к вечеру». Он выходит из дому, чтобы *śś (?)* к часу, когда он возвращается домой, он подобен другому; жена его спрашивает (?) его, он не слушает, так как совершил что-то дурное по отношению (?) к посланникам».

Какова же главная мысль этого отрывка?

Дух предлагает человеку забыть скорбь. О чем же скорбит человек? Из предшествующего и последующего текста папируса мы знаем: во-первых,

¹ Слово: *śś (?)* — непонятно, так как третий знак, не смотря на то, что он тщательно выписан, не может быть отождествлен с известными нам знаками. Египт., о. с., стр. 83.

о погребении,¹ о печальной участи людей после смерти, а во-вторых, о том, что «братья плохи, и друзья недостойны любви»... «добро кинуто на землю повсюду»... «грабят»... «не вспоминают вчерашнего дня и не воздают по делом тотчас»... «наглость превозносится более правости сердца»... «земля полна беззаконий», «грех бьет землю, и нет ему конца».²

Сознание всевластия греха — вот, что заставляет скорбеть человека.

Обратясь к нашему тексту, отметим, что центром его является точная, дословно приведенная речь бедняка, при суммарном изложении остального. Весь рассказ — как бы фон для этой речи. В ней заключена главная мысль.

Дурная женщина, которая не будет иметь возможности выходить к другой на земле (т. е. не будет иметь выхода с запада), что является наградой праведникам, и чего лишены грешники,³ противопоставляется детям «разбитым еще в яйце» (в начале своей жизни), но которые все же не будут жить. — Одинакова загробная участь грешницы и безгрешных младенцев. — Мысль, что младенцы безгрешны и поэтому заслуживают лучшей участи после смерти, не чужда Египту. Интересна одна надгробная плита девочки, правда уже греческой эпохи, свидетельствующая об этом.⁴ Эта безотрадная мысль влагается в уста нищенствующего трудящегося бедняка, чтобы подчеркнуть жажду жизни, сродственную вообще египтянам.⁵

У Гомера тень Ахилла, вызванная Одиссеем из Ада, жалуется: «лучше последним рабом пахать на земле, чем быть царем в царстве теней!» — «Кто находится между живыми, тому еще есть надежда, ибо псу живому лучше чем мертвому льву. Живые знают, что умрут, а мертвые уже ничего не знают, и нет им воздаяния, ибо и память о них предана забвению... Иди, ешь с веселием хлеб твой и празднуй в радости сердца... Наслаждайся жизнью с женой твоей, которую ты любишь, во все дни суетной жизни твоей!» (Еккл. 9, 4, 5, 7, 9) — восклицает разочарованный еврейский мудрец. Подобно им и наш египтянин, как бы устами голодного труженика надписи, хочет сказать: «лучше, хотя бы голодным нищим, изнывать в непосильном труде здесь на земле, чем мертвым покоиться в царстве Осириса, ибо гнетущий мрак местопребывания находящихся там!»⁶

¹ Егман, о. с., строки 61—68 папируса.

² Ibidem, строки 86—96—112.

³ Книга мертвых: главы выхода днем. Тураев, Литература 127—128.

⁴ См. статью А. Егман'а в сборнике для Ed. Sachau, Berlin, 1915.

⁵ Тураев, Ист. Др. Вост., I, 253. Тураев, Литература, I, 68.

⁶ Лондонская стела жены верховного жреца из Мемфиса. Maspero, *Études Egypt.*, I, 187.

Если так, то ход мыслей духа таков:

Не думай о погребении — это печально, ибо ты не будешь выходить, чтобы видеть солнце. Покоющийся в своей пирамиде столь же несчастен, как и усталый путник, труп которого гнет на плотине, и с которым беседуют береговые рыбы. Следуй веселому дню! Оставь скорбь! ибо перед лицом смерти равны грешник и невинный младенец.

Никита Мещерский.